

Фан Сынун переступил порог мира «Франкенштейна» пятого сентября. Юй Цюся тогда предупредил: следующий переход состоится третьего октября.

В планах Фан Сынуна всё выглядело хрупко, но заманчиво: вернувшись в реальность, они помирятся и выкроют немного благословенного тепла. О грядущих «мирах» он старался не думать — он давно привык утолять жажду ядом. Юй Цюся и был его ядом. Сладкой, смертельной отравой, рядом с которой меркли любые будущие ужасы. Пока они были вместе, Фан Сынун мог забыть обо всём на свете и просто жить сегодняшним днём.

Выберутся из следующего испытания — получают ещё месяц покоя. А потом ещё один, и ещё... до тех пор, пока один из них, а то и оба сразу, не останутся там навсегда. Смерть Фан Сынуна не пугала его. Но если бы первым погиб Юй Цюся, он без раздумий последовал бы за ним.

Убедить себя в этом оказалось на удивление просто: нужно лишь относиться к происходящему как к смертельно опасной службе. Пусть вокруг царит мирный покой, в тайных уголках планеты люди гибнут ежедневно. Чем его жизнь ценнее жизни оперативника наркоконтроля или бойца в составе миротворческой миссии? Ничем.

Да и короткие «отпуска» между погружениями манили его до дрожи. Быть рядом с Юй Цюся, лихорадочно, воруя секунды у судьбы, воскрешать прошлое... Была во всей этой обречённости своя, особая романтика у края бездны.

... Вот только Юй Цюся с этим соглашаться не желал.

И оттого будущие передышки лишились всякого очарования, обратившись в зыбкие призраки. На смену им пришли липкие кошмары, удушающая тревога ожидания и вновь обострившаяся, неизлечимая тоска.

Он настраивал себя на то, что увидит Юй Цюся не раньше третьего октября, но двадцать седьмого сентября тот внезапно возник на пороге его студии. Почти на неделю раньше срока.

В тот момент Фан Сынун присутствовал на еженедельном собрании студии. Встречу вела его партнёр, Чжоу Яо. Обсуждали дежурные вопросы: утверждали планы на ближайшие дни и сверяли текущие графики.

Всё катилось по привычной колее, и Фан Сынун сам не заметил, как провалился в свои мысли.

Когда блуждающая где-то в облаках душа соизволила вернуться в тело, он наткнулся на встревоженный взгляд Чжоу Яо — её лицо оказалось совсем рядом.

Сотрудники к тому времени уже покинули переговорную.

— Фан Сынун, может, съездишь домой отдохнуть? На тебе лица нет.

Чжоу Яо была его старшей коллегой ещё по киноакадемии — училась на продюсерском. В их совместном деле она вела все административные и организационные вопросы. При всём упрямстве и деспотичности Фан Сынун, который не терпел возражений, Чжоу Яо оставалась единственной, к чьим словам он хоть иногда прислушивался.

Фан Сынун попытался выдавить вежливую улыбку, но губы не послушались. Оставив бесплодные попытки, он глухо отозвался:

— Не нужно, старшая сестра. Всё нормально.

На лице Чжоу Яо отразилось сомнение, но настаивать она не стала:

— Как знаешь. Но если совсем прижмёт — марш домой. — Немного подумав, она мягко добавила: — Если стряслось что-то и тебе нужно выговориться, ты только скажи.

— Понимаю. Спасибо, старшая сестра.

Уперев локти в стол, Фан Сынун сжал пальцами виски. Искреннее беспокойство Чжоу Яо лишь подхлестнуло его тревогу. Сейчас ему хотелось обернуться невесомой пылинкой, забиться в самый глухой угол и замереть, лишь бы никто его не трогал.

Он и сам понимал, насколько нелеп: не хотел никого видеть, но и дома в одиночестве оставаться не мог — там он моментально превращался в увядающий, заживо гниющий сорняк.

До его ушей донёсся тихий вздох Чжоу Яо:

— Ладно, посиди тут один. Я пойду...

Дверь в переговорную с тихим щелчком распахнулась.

— Ой... Юй Цю... Режиссёр Юй?

Фан Сынун резко открыл глаза.

Перед ним и правда стоял Юй Цюся.

— Старшая сестра Чжоу, зовите меня просто по имени, — проговорил Юй Цюся, направляясь к ним.

Чжоу Яо опешила. Когда они с Фан Сынунем ещё были вместе, она держалась с ним куда проще. Но теперь, когда они разошлись, а сам Юй Цюся вырос в крупную величину в

киноиндустрии, прежняя вольность казалась неуместной — не хотелось выглядеть так, будто она набивается в друзья к знаменитому режиссёру.

Она слишком хорошо помнила, через какой ад прошёл Фан Сынун после их расставания, и меньше всего на свете желала ему нового срыва.

— Э-э... Ты сегодня по какому-то делу? — неловко поинтересовалась она.

Спрашивая, она краем глаза следила за партнёром. Хватило мимолётного взгляда, чтобы заметить: упрямец мгновенно ожил, в его глазах вспыхнул лихорадочный блеск.

«Неизлечим», — обречённо констатировала она про себя и мысленно вздохнула ещё раз.

— Прости, старшая сестра, у нас срочное дело. В следующий раз обязательно пообедаем вместе.

За эти секунды Юй Цюся успел подойти вплотную. Скользнув мимо неё, он наклонился, бесцеремонно сгрёб Фан Сынуна за запястье и рывком поднял на ноги.

Опешив от такой бесцеремонности, Чжоу Яо инстинктивно вскинула руку, чтобы помешать ему, но Фан Сынун перехватил её ладонь в воздухе, ободряюще сжал и послушно потянулся за Юй Цюся.

Буквально за секунду он преобразился — от недавней полуживой вялости не осталось и следа.

Студия Фан Сынуна занимала просторный открытый этаж: по периметру шли кабинеты, гримёрные и переговорные, а центр занимала съёмочная площадка. Большинство сотрудников после собрания ещё крутились там. И теперь на глазах у всей этой толпы хмурый режиссёр Юй протащил их обычно непреклонного босса прямиком в кабинет. Проводив их взглядами, подчинённые принялись увлечённо перешёптываться.

Юй Цюся увлёк Фан Сынуна внутрь, захлопнул дверь и резко повернул защёлку замка.

У Фан Сынуна тревожно ёкнуло сердце.

— Что стряслось?

— Время сдвинулось. Не знаю почему, — Юй Цюся выглядел скверно. — У учителя Ваня в прошлый раз тоже всё случилось внезапно. Срочно звони Пу Тяньбаю и этому... Хуа Тяньсяю. Пусть найдут любое замкнутое помещение и запрутся там. Один на один.

Фан Сынун не стал терять ни секунды. Он выхватил телефон и набрал номер Пу Тяньбая.

Трубку сняли после первого же гудка:

— О, брат Фан! Что стряслось?

Фан Сынун в двух словах объяснил ситуацию. Голос на том конце провода мгновенно сорвался на панику:

— Как это — раньше времени?! Разве эти переходы могут сдвигаться?!

— Хватит паниковать. Немедленно найди пустое помещение и запишись там. Главное — чтобы внутри никого, кроме тебя, не было, — отрывисто произнёс Фан Сынун. — Всё, кладу трубку, надо ещё набрать Хуа Тяньсяо.

— Стой, Хуа Тяньсяо со мной! — поспешно выкрикнул Пу Тяньбай. — Я сам ему передам.

— Вы вместе? С чего вдруг?

— Да мы на съёмках. Он тут играет второго главного героя, а я — его шестёрку...

— Ладно, тогда тащи его к себе. — Новость о том, что они на съёмочной площадке, заставила Фан Сынуна напрячься: слишком велик был риск втянуть посторонних или просто не найти свободный угол. — Вы в павильоне или на улице?

Пу Тяньбай даже попытался его приободрить:

— В павильоне, всё под контролем. Не дёргайся, брат, я его уже вижу. Отбой!

Фан Сынун опустил телефон. В ушах глухими ударами отдавался бешеный пульс.

Спустя мгновение Юй Цюся, внимательно следивший за ним, негромко произнёс:

— Ты до сих пор впиваешься ногтями в ладони, когда нервничаешь. Ничего не изменилось.

Фан Сынун повернул голову и встретился с ним взглядом. Внутри закружился такой вихрь эмоций, что он и сам не сумел бы объяснить, что чувствует в эту секунду.

Сердце зашло в бешеном ритме ещё в ту секунду, когда Юй Цюся переступил порог студии, но сейчас это волнение казалось горьким. Он не мог понять, что именно лишило его покоя:

первобытный страх перед неизбежным прыжком в бездну или просто близость этого человека. Скорее всего, и то, и другое.

И невыносимое, удушливое чувство вины.

В кошмарах, преследовавших его все эти дни, он видел их растерзанные тела. В этих снах умирал не только он сам или Юй Цюся — там был и Пу Тяньбай. Когда Фан Сынун видел гибель их двоих, он чувствовал лишь безнадежность пополам с облегчением: в конце концов, без Юй Цюся ему всё равно не жить. Но когда во сне являлся труп Пу Тяньбая, сознание разрывала дикая, невыносимая боль.

В его понимании они с Юй Цюся давно слились в единое целое. То, что любимый увлёк его за собой в эту преисподнюю, не пугало — Фан Сынун шагнул туда добровольно, готовый принять любую участь, лишь бы вместе. Но перед Пу Тяньбаем он испытывал жгучий стыд. Они втянули в свои игры невинного.

Но жаловаться было некому, и он привычно заталкивал эту горечь поглубже в душу. Сделав глубокий вдох и медленно выдохнув, он спросил:

— Каким будет этот следующий мир?

— Не знаю, — Юй Цюся долго и пристально разглядывал его лицо. — Боишься?

— Боюсь, — он опустил взгляд на свои сжатые пальцы. — Кому охота умирать?

Юй Цюся помолчал, а затем едва слышно выдохнул:

— Мне тоже.

Спустя несколько минут сознание Фан Сынуна начало стремительно проваливаться в ледяную пустоту. Ощущения были в точности такими же, как и в прошлый раз: время, пространство, тело и сама душа растворились в беспросветной, глухой темноте.

Очередной мир принял их в свои объятия.

<http://bllate.org/book/20607/2189340>